

(Аустрица)

(продолжение)

7. ШАТСКИЙ заявил, что никакой связи с террористической группой он не имел, разговоров на антипартийные темы не вел и о подготовке к покушению на КИРОВА и СТАЛИНА ничего не знал. Закончил свое слово тем, что считает себя не виновным.

8. ТОЛМАЗОВ полностью признал свою вину, еще раз подтвердил свои показания, но заявил, что не знал о подготовке террористического акта. Заявил, что основными виновниками случившегося считает ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, которых требует привлечь к самой суровой ответственности. Выразил удивление почему их нет на скамье подсудимых рядом со всеми теми, которых они, сюда привели. Далее ТОЛМАЗОВ сказал, что в своей практической работе всегда и всюду, на любом участке, горбом своим выносил большую и тяжелую работу на пользу рабочему классу. Обещал впредь, если суд отнесется к нему снисходительно, на самой тяжелой и опасной работе, хоть в не большой мере, загладить свою вину перед рабочим классом, потому что он сам рабочий, 15 лет в партии и никогда из нее не исключался.

9. МЯСНИКОВ заявил, что он, как член к.-р. организации и член центра организации, несет ответственность за преступления НИКОЛАЕВА, но о подготовке террористического акта он ничего не знал. МЯСНИКОВ сказал, что на скамью подсудимых должны сесть ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ, которые воспитали их - зинovieвцев в духе ненависти к партийному руководству. "Я никогда не думал" говорил МЯСНИКОВ, "что окажусь под судом на одной скамье с убийцами и шпионами. До этого меня довело двурушничество. Чтобы не быть двурушником, надо было оборвать все связи, покончить со всеми колебаниями и сомнениями. Я этого не сделал и оказался в фашистской организации". МЯСНИКОВ просил у суда снисхождения.

10. ХАНИК сказал, что ему очень тяжело, что он, будучи сыном рабочего и матери - старой революционерки, участвовал в контр-революционной организации, которая боролась против партии и советской власти фашистскими методами. Он сказал, что окончательно разобрался во всем и очень благодарен следствию, которое помогло ему положить раз навсегда предел его преступлениям. Организация, по его словам, питала звериную ненависть к руководству партии, в особенности к товарищам СТАЛИНУ, КИРОВУ, МОЛОТОВУ и КАГАНОВИЧУ. Понадобилась слишком дорогая цена - жизнь КИРОВА, чтобы приостановить дальнейшую подлую и беспринципную борьбу контр-революционной зиновьевщины. Просил суд учесть, что он, фактически, с июля 1933 года порвал с этой к.-р. организацией, так как уезжал в Кронштадт, но, вместе с тем, признает, что, если бы обстоятельства его бы задержали в Ленинграде, он, вероятно, остался бы в к.-р. организации, так как "эти люди буквально засасывают и давят" над ним. Просил суд оставить ему жизнь для того, чтобы искупить свою тяжкую вину.

11. ЛЕВИН признавая полностью свою к.-р. деятельность в качестве руководителя к.-р. организации, заявил, что он несет полную ответственность за террористический акт НИКОЛАЕВА. Считаая, что он, как зрелый политический деятель, не может просить о помиловании, ЛЕВИН рассказывал о пройденном им десятилетнем пути двурушничества в партии, которое привело его в к.-р. болото. "Нас об этом партия предупреждала. Мы не учли опыта всех оппозиций, не послушались партии. Только сейчас я осознал что между мной и НИКОЛАЕВЫМ прямая связь. Политически я уже не существую". ЛЕВИН закончил свое слово просьбой к суду "Хотелось бы сгладить свои преступления.

Прошу жизни как милости".

12. СОСИЦКИЙ заявил, что полностью признает свою вину, что привела его на к.-р. путь контр-революционная зиновьевщина. "Надо" сказал он "уничтожить контр-революционное зиновьевское болото. Благодарил следствие, которое раскрыло перед ним глаза на пропасть, в которой он очутился. СОСИЦКИЙ говорил о непрерывной связи прошлой борьбы с партией в 1927-1928 годах и последующей к.-р. работы с выстрелом НИКОЛАЕВА. Признал, что партию обманывал дважды: когда, после первого своего исключения из партии, вернулся в нее двуручником и когда, затем, обманывал партию, несмотря на оказанное ему партией доверие. Свое предательство он понял только здесь. Главную ответственность, по его словам, должны нести ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ, которые так воспитали своих единомышленников, что они очутились на скамье подсудимых вместе с убийцей тов. КИРОВА. СОСИЦКИЙ просил суд дать ему возможность доказать свою преданность рабочему классу. Закончил он свое слово требованием так разгромить к.-р. зиновьевщину, чтобы не оставить от нее камня на камне.

13. РУМЯНЦЕВ заявил, что до последних дней состоял в к.-р. организации и не нашел в себе мужества порвать с организацией и разоблачить ее до конца. Благодарил следствие, которое помогло ему осознать свое преступление. Заявил, что очутился в лагере врагов, так как свято верил ЗИНОВЬЕВУ, как ЕВДОКИМОВУ и ЗАЛУЦКОМУ, что из этой веры проистекали его преступления. Далее перейдя к методам борьбы против партии, практиковавшиеся им на протяжении всех лет, РУМЯНЦЕВ квалифицирует их как фашистские. РУМЯНЦЕВ говорил, что в последнее время он ко всему окружающему подходил с фракционным

озлоблением и стал врагом советской власти. Сказал, что он и прочие зиновьевцы вернулись в партию с двурушнической целью сославшись при этом на заявление ЗИНОВЬЕВА о том, что "Дозунги 15 съезда партии оправдывают нашу предшествующую борьбу". РУМЯНЦЕВ просил суд принять суровые меры по отношению к КУКЛИНУ, заявившему ему "Пусть остановится сердце пролетарской революции" (КУКЛИН имел в виду тов.СТАЛИНА), "но ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ будут у руководства партией". РУМЯНЦЕВ еще раз признает свои тягчайшие преступления перед Советской властью, но отрицает свою принадлежность к террористической группе. РУМЯНЦЕВ подчеркнул, что в последнее время он старался встречи с единомышленниками свести к минимуму. Заканчивая свою речь, РУМЯНЦЕВ сказал, что "надо каленым железом ликвидировать зиновьевщину. Я проклял день когда встал на путь борьбы против партии. Я прошу пролетарский суд, если возможно, сохранить мне звание гражданина СССР и вернуть меня в семью трудящихся. Клянусь, что на любом участке буду самоотверженно работать".

14. МАНДЕЛЬШТАМ сказал, что он с ужасом должен констатировать, что оказался на скамье подсудимых в такой печальной роли - "Не хочу повторяться, читать политические лекции и делать экскурсии в прошлое. Я подтверждаю весь фактический материал, который здесь приводился РУМЯНЦЕВЫМ. В нашем падении виноваты, конечно, "вожди". Их спросят и они ответят. Я заявляю пролетарскому суду, что нас всех надо расстрелять до единого. Я не контр-революционный террорист, но скатился в пропасть." Обращаясь к суду, МАНДЕЛЬШТАМ продолжает: "Вашим ответом, ответом которому будет аплодировать весь про-

летарский Ленинград должен быть - расстрел всех нас без исключения". МАНДЕЛЬШТАМ в заключении сказал: "Да здравствует Ваш суровый приговор".

В 2 часа 30 минут 29 декабря суд удалился на совещание для вынесения приговора.

В 5 часов 45 минут 29 декабря суд объявил приговор по делу, которым все обвиняемые в количестве 14-ти человек (НИКОЛАЕВ Л., АНТОНОВ, ЗВЕЗДОВ, ЮСКИН, СОКОЛОВ, КОТОЛЬНОВ, ШАТСКИЙ, ТОЛМАЗОВ, МЯСНИКОВ, ХАНИК, ЛЕВИН, СОСИЦКИЙ, РУМЯНЦЕВ и МАНДЕЛЬШТАМ) приговорены к расстрелу. Почти все обвиняемые выслушали приговор подавлено, но спокойно. НИКОЛАЕВ воскликнул: "Жестоко" и слегка стукнулся головой о барьер скамьи подсудимых. МАНДЕЛЬШТАМ негромко сказал: "Да здравствует Советская власть, да здравствует коммунистическая партия" и пошел вместе с остальными обвиняемыми к выходу.

ЗАМ НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР - Я. АГРАНОВ.

В е р н о :

В. Терещук